

Пилецкий Сергей Григорьевич

Э. О. УИЛСОН О РОЛИ АНАЛОГИИ В ПОЗНАНИИ

Статья посвящена исследованию проблемы творческого открытия в науке и исключительно важной роли метода аналогии в процессе интуитивного озарения. Основная цель, которую ставит перед собой автор, заключается в анализе сути социобиологического подхода к вскрытию механизма интуиции, основанного на эволюционно-биологической и генетической интерпретации функциональной работы разума. Особо обращается внимание на позицию Э. О. Уилсона, согласно которой аналогия предстаёт как метаформула научной эвристики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 136-140. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SUBJECTS OF LEGAL MACROECONOMIC MODELLING

Andrei Viktorovich Pashkov, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law
Samara State University
attorney83@ya.ru

The author presents the analysis of macroeconomics as a legal phenomenon, considers it as a legal doctrine element (some macroeconomic indicators formalization), on the one hand, and as a part of legal culture on the other hand, shows that the purpose of legal modeling in macroeconomics is in the provision of market social relations reproduction conditions, including the implementation of the theory of human rights and freedoms and legal state, and discusses civil society as the subject of law, balancing a state in its influence on economy by establishing the limits of such interventions.

Key words and phrases: macroeconomics; market; economic rights; theory of human rights and freedoms; state intervention in economy; limits of state intervention in economy; civil society as subject of law.

УДК 167.12

Статья посвящена исследованию проблемы творческого открытия в науке и исключительно важной роли метода аналогии в процессе интуитивного озарения. Основная цель, которую ставит перед собой автор, заключается в анализе сути социобиологического подхода к вскрытию механизма интуиции, основанного на эволюционно-биологической и генетической интерпретации функциональной работы разума. Особо обращается внимание на позицию Э. О. Уилсона, согласно которой аналогия предстаёт как метформула научной эвристики.

Ключевые слова и фразы: познание; социобиология; научное открытие; истинность; простота; изящество; аналогия; метформула.

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
SergeyPiletsky@yandex.ru

Э. О. УИЛСОН О РОЛИ АНАЛОГИИ В ПОЗНАНИИ[©]

Гносеология – это не просто одна из традиционных философских дисциплин и не только одно из структурных подразделений многоуровневого философского массива. Проблематика теории познания, без преувеличения, является сердцевинной сугубо человеческого отношения к окружающему миру, затрагивает самые глубинные аспекты нашего экзистенциального бытия и фокусирует своё основное внимание на предмете и задачах, имеющих первостепенное значение для человеческого выживания. Как бы не относиться к достижениям и издержкам научно-технического прогресса, как бы не относиться даже к самому специфически сциентистскому способу освоения объективной действительности, следует признать, что именно наука и её производные в последние два столетия стали «локомотивом» человеческой истории и всё в большей и большей степени определяют векторы и формы развития человечества. В составе же современной науки и современного естествознания всё большее значение приобретают дисциплины, комплексно изучающие человека. А уже, в свою очередь, среди них в последние десятилетия на первые рубежи выходит социобиология, представляющая собой синтез эволюционной биологии, популяционной генетики и экологии.

В нашей отечественной философской литературе появление социобиологии и её претензия на лидерство в сфере эволюционной антропологии были восприняты, мягко говоря, весьма настороженно. Основное острие критики было адресовано в сторону наиболее спорных её положений: преимущественному вниманию и акцентированию на биолого-генетической компоненте человеческого существования и необходимости наделять безусловно большими, чем прежде, полномочиями естествознание в деле изучения социальных аспектов жизнедеятельности человека. Но данный критицизм, надо отметить, не простирался настолько, чтобы не замечать бесспорных заслуг и актуальности поставленных социобиологами задач, и, в первую очередь, её основоположником – выдающимся учёным Эдвардом Осборном Уилсоном.

Среди отечественных философских трудов, посвящённых исследованию и аналитическому разбору социобиологии, безусловный приоритет стоит отдать двум монографиям: С. А. Пастушный, Д. А. Алтышбаева «Социобиология: мифы и реальность» (1985) и Р. С. Карпинская, С. А. Никольский «Социобиология: критический анализ» (1988). С одной стороны, в книге С. А. Пастушного и Д. А. Алтышбаевой можно найти такие слова: «Как бы то ни было, но факт остаётся фактом – энтомологом Э. Уилсоном была высказана идея об

[©] Пилецкий С. Г., 2012

эволюционном значении общественных форм организации живых организмов. Эта идея сразу была связана с надеждой получить эволюционно-биологические сведения, полезные и в понимании человека. Не страшась той «филогенетической бездны», которая разделяет человека и простейшие формы организации живого, Уилсон поставил перед собой цель: попытаться проследить эволюционные детерминанты поведения человека, берущие начало в мире живого. Как видим, задача грандиозная, причём не только естественнонаучного, но и философского плана» [2, с. 24]. Но, с другой стороны, трудно не заметить и ясно выраженного скепсиса в отношении декларируемых социобиологами целей и задач. А вот это уже строки из книги Р. С. Карпинской и С. А. Никольского: «В социобиологии научные доводы подчас соседствуют с бездоказательными суждениями, серьёзные эмпирические исследования – со спорными теоретическими обобщениями, а убежденность в силе биологического знания – с биологизаторскими тенденциями в понимании человека» [1, с. 58]. Свой разбор творчества Э. О. Уилсона и анализ успехов в реализации целей и задач социобиологии я успел уже тоже высказать, причём на страницах данного журнала [3].

В данной статье мне хотелось бы сконцентрировать читательское внимание пусть на частной, но при этом чрезвычайно важной в гносеологическом и методологическом плане проблеме, поднимаемой Э. О. Уилсоном и касающейся интуитивной «изнанки» творческого открытия и роли аналогии во всём этом. Вообще сфера интуитивного озарения во все времена волновала умы не только философов, но и естествоиспытателей. Достаточно вспомнить Платона с его теорией «знания как припоминания», Рене Декарта с его концепцией «врождённых идей», Исаака Ньютона с его законом гравитации или Дмитрия Ивановича Менделеева с его периодической системой химических элементов. Ряд этот, безусловно, можно было бы продолжить. Вот и Эдвард Осборн Уилсон заинтересовался данной проблематикой.

Прежде чем приступить к анализу взглядов Э. О. Уилсона по данному вопросу, целесообразно вспомнить, что же следует понимать под аналогией. «Философский энциклопедический словарь» даёт нам такие сведения на сей счёт: «Аналогия (от греч. *analogia* – сходство) – подобие, равенство отношений, а также познание путём сравнения. Между сравниваемыми вещами должно иметься как различие, так и подобие; то, что является основой сравнения, должно быть более знакомым, чем то, что подлежит сравнению» [4, с. 20]. Уилсон, надо сказать, в этом отношении традиционен, и он понимает под аналогией именно это. Более оригинальны его мысли относительно специфики научной деятельности и творческой самобытности учёных-естествоиспытателей. Он не забывает подчёркивать, что именно новооткрываемые фактуальные истины, а не истина в некотором абстрактном смысле «сама по себе», являются высшей целью и главным мерилом научной культуры. Любопытна его мысль, что учёные не производят открытия с той целью, чтобы что-то узнать, а, напротив, они узнают, чтобы совершать открытия. Эта перестановка в целеполагании, по его мнению, представляет собой нечто большее, нежели просто характерную особенность, это – само существо дела. Специалисты-гуманитарии, по словам Э. О. Уилсона, «своего рода шаманы интеллектуального племени, мудрецы, интерпретирующие знания и передающие по эстафете фольклор, ритуалы и священные тексты. Учёные же в таком случае – разведчики и охотники» [5, р. 58]. Одно великое открытие, и учёный становится выдающимся на все времена, независимо от того, какими бы вздорными ни были его остальные деяния или высказывания. Нет открытия – и он, скорее всего, будет забыт, как бы он ни был знающ и образован. Специалист-гуманитарий может достичь бессмертия всего лишь как критик. Подобная же профессиональная возможность закрыта пока, во всяком случае, для учёного. Самыми незабвенными критиками среди учёных были те, кто, по словам Уилсона, «служил своего рода петляющим следом зверя для исследователей, помогая им прояснить ошибки на их пути» [Ibidem, р. 59]. Так, к примеру, выдающийся американский биолог Луис Агасси, высоко чтимый Эмерсоном и Лонгфеллоу, идол лекционных аудиторий по всему Атлантическому побережью, известен сейчас в большинстве своём лишь тем, что был не прав в споре с Чарльзом Дарвином.

Учёный – не очень-то романтическая фигура. Каждый день он отправляется в лабораторию либо на полевые исследования, движимый надеждой на великую удачу. Он близок по духу старателю или искателю кладов. Каждое небольшое открытие – это, своего рода, золотая монета на дне океана. Как пишет Уилсон, «действительная профессиональная работа – костяк и мускулатура научного труда – занятие очень небыстрое и идущее зачастую со значительными «пробуксовками»: начинается всё с попытки отыскать хорошую проблему, затем идёт разработка экспериментов, обдумывание полученных данных, затем следуют многочисленные дискуссии в коридорах с коллегами, получение какой-то догадки, разумеется, не без помощи кофе и массы искусанных карандашей, до тех пор, пока, в конечном счёте, нечто – обычно очень малое – не будет открыто. Затем накатывает целый шквал писем и телефонных звонков вслед за написанием простой короткой заметки» [Ibidem, р. 63]. Так что подавляющее большинство учёных – это трудяги. Любители же «лёгких прогулок» находят соответствующее своему призванию приложение.

По случаю 60-летия Макса Планка выступал Альберт Эйнштейн. Он говорил, что в храме науки пребывают три категории людей. Есть такие, кто вошёл в него по чисто утилитарным соображениям, имеющие тягу и душевный порыв к изобретению всевозможных вещей, пригодных для человечества. Других привлекает спорт в науке. Они находят удовлетворение своим амбициями посредством состязательных экзерсисов с превосходящей интеллектуальной мощью. И если бы от Господа прилетел ангел, говорил Эйнштейн, и выгнал бы из храма всех принадлежащих к этим двум первым категориям, то в нём остались бы всего несколько человек, включая Планка, – «и именно поэтому мы его и любим» [6, р. 36].

При этом, что немаловажно, научная теория – плод работы учёного – должна удовлетворять ряду требований, среди которых, кроме сугубо технических, есть, как ни странно, и два вполне эстетических – простота

и изящество. Изыщество же, согласно взглядам Э. О. Уилсона, в большей степени продукт человеческого разума, нежели внешней реальности. Наилучшим образом оно может быть понято как продукт органической эволюции. Мозг, по его мнению, нуждается в изяществе как компенсации за свой небольшой размер и короткий срок жизненного функционирования. Поскольку кора головного мозга росла относительно обезьяньих размеров на протяжении сотен тысяч лет эволюции, мозг был вынужден прибегать к разного рода уловкам, чтобы расширить память и увеличить скорость исчисления. Вот что он об этом пишет: «Разум, следовательно, специализируется на аналогии и метафоре, на охвате, соединении и переработке всего хаотичного сенсорного материала в пригодные для работы категории, обозначаемые словами и иерархически группируемые для возможности их быстрого востребования. Научность в значительной степени заключается в способности усвоения максимального количества информации при минимальной затрате энергии. В такой формулировке красота становится просто чистотой линии, в равной мере, собственно, как и симметрия, изумление, конгруэнтность и другие господствующие верования. О том, что это определение распространено достаточно широко, указывает хотя бы то, что П. А. Дирак после завершения работы над теорией поведения электрона мог заявить, что утверждение физической теории о своей красоте, вероятно, также может быть признано вполне корректным; или то, что Герман Уэйл, разработчик квантовой теории и теории относительности, сделал даже более откровенное признание: “Моя работа всегда заключалась в попытке соединения истины и красоты; но в тех случаях, когда я был вынужден выбирать то или другое, я, как правило, выбирал красоту”» [5, р. 71].

Как известно, Эйнштейн предложил своё решение дилеммы «истина или красота»: «Бога не заботят наши математические затруднения. Он интегрирует эмпирически» [Ibidem, р. 73]. Другими словами, разум со своим бездонным резервом памяти и своей беспредельной способностью исчисления мог бы просчитать любую систему, представленную суммой своих частей, какой бы мельчайшей и какой бы множественной она ни была. Таким образом, стройность и красота математики и логики – это те приспособления, при помощи которых люди выживают в этом мире со своей ограниченной интеллектуальной способностью, унаследованной от прежних видов. Если перевести это в социобиологические термины, то они играют роль схемы особой лимбической системы мозга, которая, в конечном итоге, способствует выживанию и воспроизводству. Они, походя, заводят учёного в неисследованные закутки пространства и времени, из которых он затем возвращается, чтобы сообщить о своих находках и тем выполнить свою социальную роль. Геометрия Лобачевского-Риммана провозглашена не менее прекрасной, чем сама райская птица, и всё из-за того, что разум уже врождённо подготовлен к восприятию её симметрии и убедительной силы.

Научная новация, отмечает Уилсон, «зачастую звучит как поэма, и я берусь утверждать, что это действительно так, по крайней мере, на своих ранних стадиях. Если можно так выразиться, идеальный учёный должен мыслить как поэт, работать как клерк, а писать как журналист. Идеальный же поэт, заметьте, думает, работает и пишет только как поэт. Эти два рода призваний уходят своими корнями в единые подсознательные начала и зависят от схожей первичной фабулы и образов. Но где учёные задаются целью обобщения в формуле, которой были бы покорны все частные случаи поиска общих естественных законов, там художники немедленно сами измысливают частные случаи. Они передают такие формы знания, которые раскрывают самого владельца этого знания. Именно поэтому их работа так согрета и освещена персональным пламенем» [7, р. 114-115].

Так что получается, что сущность искусства не в меньшей степени, чем науки – это синекдоха. С особой аккуратностью избранная часть служит целому. Некоторые черты субъекта либо непосредственно постигаются, либо подразумеваются путём аналогии, точно передающей качественную специфику предполагаемого. Слушатель охвачен единым, изумляющим его образом. Пикассо определял искусство как ложь, помогающую нам видеть истину. Этот афоризм подходит как для искусства, так и для науки вследствие того, что каждый из них по-своему ищет пути достижения силы посредством изящества. Но часто инспирированная нами их несовместимость на деле оказывается лишь разницей в технике мышления и коммуникации. Гораздо более глубоким является их базисное родство: оба являются довольно рискованным предприятием, нацеленным на открытие. А их связующая сила лежит в области нашей биологии и нашего отношения к другим организмам. В искусстве различные проявления работы разума уже достаточно изучены, чего не скажешь о царстве науки, охватывающем весь мир со всем его многообразием, а сейчас всё в большей и большей степени и саму деятельность разума. Равно важно и то, что оба полагаются на схожие формы метафоры и аналогии вследствие того, что они оба разделяют участь базироваться на точной строгости мозга и специфических ограничениях информационного процесса.

Большинство учёных в тот или иной момент начинают задумываться над тем, какова всё же сама процедура открытия. Ставка довольно высока: ведь главный прорыв мог быть осуществлён посредством единственного озарения, потребовавшего на это какие-то считанные секунды. Разве является столь уж фантастическим, что может существовать некая скрытая метаформула, посредством которой разум создаёт все эти видимые формулы? Этот вопрос задавался психологами-когнитивистами в их программе изучения процесса творчества. За последние несколько десятков лет их работа довольно быстро продвинулась вперёд, поскольку «железная хватка» бихевиористской философии несколько ослабла, и изучение механизма работы разума вновь стало делом достаточно respectable. Не менее весомо и свидетельство самих учёных о своём пути, ведущем к открытию. Эссе, написанные Фрименом Дайсоном, Дж. Б. С. Холдейном, Вернером Гейзенбергом, Виллардом Либби, Анри Пуанкаре, Джоном Уиллером, Ченом Нинг Янгом и другими, составляют поистине учебник психологии по этим наиболее скрытым и трудно уловимым ментальным операциям.

В его собственном поиске метаформулы, признаётся Э. О. Уилсон, ему очень повезло в том смысле, что довелось работать вместе с достаточно одарёнными математиками по предметам, по которым либо не было вовсе никаких предшествующих разработок, либо они были крайне незначительны: не было того каркаса точно установленных идей, при помощи которого могла бы развёртываться информация и соединяться в звенья объяснительных цепей. И на основе своего собственного опыта и в качестве результата плодотворного сотрудничества с другими учёными Эдвард Осборн Уилсон утверждает, что в роли этой скрытой метаформулы выступает не что иное, как аналогия. Вот его слова: «Аналогия – вот тот ключевой инструмент творческого воображения. Один из основателей молекулярной биологии (ещё достаточно молодой, потому что большинство фундаментальных, поистине пионерских работ было сделано лишь после 1950 года) однажды сказал мне, что действие на него колдовских чар репликации молекулы ДНК началось, когда ему в детстве подарили разборную куклу. Играя с ней, он наяву видел возможности творчества путём соединения и перестановки идентичных единиц. Великий металлург Сирил Смит был обязан своей страстью к сплавам тому факту, что был дальтоником. Его дефект стал причиной переноса его внимания ещё с раннего детства на поиск замысловатых чёрно-белых моделей, которые были повсюду в природе, круговоротах, филиграмм, образованию полосчатой структуры и, в итоге, к ясному пониманию структуры металла. Альбер Камю имел в виду как раз таких новаторов, когда говорил, что “человеческая работа – не что иное, как неспешное блуждание в поиске посредством окольного пути искусства тех двух или трёх великих и простых образов, чему его сердце впервые бы откликнулось”» [Ibidem, p. 86-87].

В результате мы вернулись к прежнему – человеческому базису происхождения науки и искусства. Новатор выискивает такие сравнения, которые до него никто не находил. Ему приходится подкреплять их правдоподобие при помощи аргументов, примеров и экспериментов. Серьёзная наука – это не просто некий набор подобий, чудесным образом с первого взгляда ставших ясными для исследователя. Она предлагает аналогии, которые составляют особого рода карту, ведущую к воротам в неизведанные дали. Сравнения смыкаются здесь с критерием ведущей метафоры, используемым искусствоведами: есть один ведущий образ, синтезированный из нескольких простых таким образом, что приобретение сложной, комплексной идеи достигается не аналитически, а путём внезапного видения из внележащих, объективных отношений. В момент озарения, когда интуиция и метафора всепоглощающи, художник наиболее близок в своём подобию учёному. Но вот в дальнейшем он не торопится ни продолжить энергичную работу в направлении поиска естественных законов, ни соединиться в душевном порыве со своим творением. Всё его мастерство направлено, по возможности, на быстрый перевод образов и отслеживание эмоций других. Ведомый целью сохранения тайны ремесла, он неукоснительно избегает точных определений или какой-либо демонстрации внутренней логики.

Это сущностное качество может быть перефразировано несколько иным образом. Как подчёркивает Э. О. Уилсон, «Разум биологически наделён свойством дискурсивной коммуникации, что и развивает мышление. Род человеческий, по выражению Ричарда Рорти, – это поэтический вид. Символы искусства, музыки и языка до такой степени наделены могуществом, что далеко выносятся за пределы своих рамок и буквальных значений. Таким образом, каждый из них представляет собой конденсат большого количества информации. Собственно, сродни тому, как математическое уравнение позволяет нам довольно быстро продвигаться сквозь крупные пласты знания, обеспечивая тем самым скачок в неизведанное, так и символы искусства, концентрируя в себе опыт человечества в новых, необычных формах, держат прицел на более интенсивное восприятие у других. Люди живут – в буквальном смысле живут, если жизнь уравнивать с работой разума – посредством символов, в частности, слов вследствие того, что мозг сконструирован к обработке информации почти исключительно соответствующего этому способу выражения» [5, p. 76].

Таким образом, если резюмировать суть социобиологической трактовки гносеологической и методологической роли аналогии, то надлежит констатировать следующее: сотнями тысяч поколений эволюции наш мозг работой своей лимбической системы как бы уже запрограммирован, как бы уже подготовлен эмоционально и интеллектуально откликаться на те факторы окружающей среды, которые эволюционно были значимы для его выживания и воспроизводства. Оттого-то простота, изящество и симметрия так близки нашему разуму, и оттого-то именно они выдвигаются им в качестве необходимых критериев истинности. Как говорится, «свой свояка видит издалека». И в этой архиважной трансляции интуитивного эмоционально-чувственного «схватывания» в язык символов (в том числе и символики научного языка) роль гносеологической метаформулы играет не что иное, а именно аналогия. В общем-то, история науки это подтверждает.

Список литературы

1. Карпинская Р. С., Никольский С. А. Социобиология: критический анализ. М.: Мысль, 1988. 206 с.
2. Пастушный С. А., Алтышбаева Д. А. Социобиология: мифы и реальность. Фрунзе, 1985. 188 с.
3. Пилецкий С. Г. Э. О. Уилсон о дисциплине и антидисциплине // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16). Ч. 1. С. 154-157.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2007. 624 с.
5. Wilson E. O. Biophilia. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
6. Wilson E. O. Consilience: the Unity of Knowledge. N. Y.: Knopf, 1998.
7. Wilson E. O. On Human Nature. Cambridge – L.: Harvard University Press, 1978.

E. O. WILSON ABOUT ANALOGY ROLE IN COGNITION

Sergei Grigor'evich Piletskii, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
SergeyPiletsky@yandex.ru

The author studies the problem of creative discovery in science and the exceptionally significant role of analogy method in the process of intuitive insight, determines the main purpose as the essence analysis of the social-biological approach to the consideration of intuition mechanism, based on the evolutionary-biological and genetic interpretation of mind functional operation, and pays special attention to E. O. Wilson's position, according to which analogy is presented as a scientific heuristics meta-formula.

Key words and phrases: cognition; social biology; scientific discovery; genuineness; simplicity; elegance; analogy; meta-formula.

УДК 332.142:338.124.4

В статье автор уточняет понятия «кризис» и «духовность» в структуре философского знания и общественной практики. Особое внимание уделяется анализу сущности и существования кризисных форм духовности в условиях общества переходного периода и общества стабилизационного периода. Предпринята попытка исследовать основные противоречия кризиса духовности в условиях глобализации и предложить способы их разрешения.

Ключевые слова и фразы: глобализация; дух; духовность; кризис; общество переходного периода; общество стабилизационного периода; проблемы теории и практики духовной жизни общества.

Леонид Дементьевич Рассказов, к. филос. н.
Кафедра социальной работы и социологии
Сибирский государственный технологический университет
atropos@bk.ru

**ДИАЛЕКТИКА КРИЗИСА ДУХОВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ®**

С точки зрения развития общества кризис в динамике – это переход общества с одними качественными характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками, что отличает его от катастрофы, т.е. окончательного разрушения системы, полного прекращения развития или коллапса – временного ослабления общественных связей. В статике кризис – это: 1) фиксированное устойчивое состояние общества в его верхней точке – предел, прекращение развития либо 2) фиксированное устойчивое состояние общества в его нижней точке – начало, новый виток развития. В этимологическом словаре современного русского языка дается следующее толкование: «кризис – резкий, крутой перелом в чем-либо; обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономической жизни; из немецкого *Krisis* (известно с 1519 г.), при посредстве лат. *crisis*, восходящего к греческому *κρίσις* – “решение, разрешение, исход”» [14, с. 440]. Соответственно, духовность как одна из характеристик общественной системы, элементом которой она является, также оказывается в кризисной ситуации.

В философском словаре немецкого философа и лексикографа Г. Шмидта слово «дух» (*Geist*) от лат. «*spiritus*» и греч. «*пнеума*» обозначает движущийся воздух, дуновение, дыхание (как носитель жизни) [15, с. 145]. Д. В. Пивоваров под духовностью понимает: «1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность; наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека» [8, с. 209-210]. Сегодня под духовностью чаще всего понимают тягу людей к вершинам культуры и совершенствованию своих творческих способностей. Почему духовное так настоятельно будоражит общественное сознание и почему с духовным связывают большие надежды сегодня? С. Л. Франк так пишет о времени, в котором оказалось общество конца XIX – начала XX в.: «Мы живем в эпоху духовной разочарованности и охлаждения, не знаем, чему должны служить, к чему стремиться и чему отдавать свои силы» [13, с. 17]. Духовное в эпоху глобализации в XXI в. как общественный институт и явление общественной жизни, объединившее всю совокупность идеального, сфокусировав его в сознании, вынуждает искать решения в пользу выявления общих оснований, ведущих и направляющих сил общества.

Первая проблема, которую мы отмечаем, обусловлена противоречием между ценностями, сформировавшимися в многовековой культурно-цивилизационный период, обращенными к Богу, природе, космосу, смыслу человеческой жизни, и нарождающимися ценностями в период затянувшегося глобального кризиса,